

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 31-го Іюля 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12190.

ДНИ СТАЛИ КОРОЧЕ...

ЭСКИЗЪ.

Дни стали короче... Въ зеленой чащѣ листьевъ липъ и кленовъ появилась желтизна, а трава стала жесткой и рѣдкой. Ночи прохладнѣй, и ярче звѣзды.

Это значитъ, что лѣто проходитъ, что приближается осень...

Грустно бываетъ, когда передъ заходомъ солнца откуда то издали доносятся голоса стадъ, а небо становится особенно яснымъ и чистымъ, и только на закатѣ обозначается красноватая полоса. Когда солнце зайдетъ, она разрастается, темнѣеть, принимаетъ причудливыя формы, потомъ въ наступающемъ мракѣ слидается съ ночью, таетъ, исчезаетъ.

Когда я вижу на небѣ эту полосу, я чувствую, что это уже начало осени, что это предвѣстіе темныхъ ночей, сѣрыхъ дней, бурныхъ порывовъ вѣтра, тоскливыхъ августовскихъ дождей...

Лѣто проходитъ... Приближается осень...

Вотъ она, уже стоитъ за чащей лѣса и стережетъ. Она ждетъ своей очереди. Она уже слышится въ голосахъ утокъ и гусей на рѣкѣ, въ шумѣ во гробинъ стай на поляхъ.

Миновало время пѣсенъ птичьихъ; миновало время свѣтлыхъ короткихъ ночей, когда чувствуешь себя молодымъ и силь-

нымъ, когда впереди видится длинный путь, а на этомъ пути—невыполненное, несбывшееся счастье, все то, что было заказано въ молодости, что еще не пришло.

— Отчего ты хандришь?—спрашиваетъ жена.

— Ничего, такъ задумался...

Я слышу по тону ея голоса, что она смутно понимаетъ причину моего настроенія, и что это только такъ спрашивается, потому что я знаю продолженіе вопроса.

И она говорить:

— Старость подходитъ...

Старость въ сорокъ два года! Нѣть, это еще не старость... Я знаю, что это еще не старость, и я не боюсь старости, но слова жены меня дразнятъ.

Я понимаю, что это она боится старости, что ея полнота ее пугаетъ, что огрубѣвшая кожа, морщины подъ глазами и необходимость носить корсетъ приводятъ ее въ уныніе. Но она молчитъ объ этомъ. Она хотѣла бы, чтобы я выгляделъ вдвое старше, чѣмъ я есть, для того, чтобы самой рядомъ со мной выглядѣть моложе.

Но она свою печаль умѣетъ маскировать. Ея грусть замѣтна только мнѣ, а я не хочу притворяться, не боюсь казаться старше своего возраста. Не все ли

равно, какъ обо мнѣ будуть думать другие,—была бы во мнѣ молодость.

И я отвѣчу:

— Нѣть, не въ томъ дѣло. Время идетъ, это такъ естественно. Вотъ скоро Валечку будемъ выдавать замужъ..

Это я парирую ударъ. Это я мшу за ея уколъ.

— Ты всегда со своими глупостями. Валя ребенокъ...

Она сердится, значитъ, она видѣтъ, что я понялъ ее и мшу.

Это—не скора. Это—осенній туманъ, порывъ рѣзкаго осенняго вѣтра въ концѣ лѣта. Такъ часто бываетъ въ природѣ—проснешься утромъ, а на дворѣ сентябрь. Откуда то нападали листья, всетъ вѣтеръ, не хочется даже окно открыть.

Такъ и у насъ. Раньше этого не было.

Не было раньше и ревности. Именно такой, какая сейчасъ появилась. Это—ревность отчаянія. Не съ моей стороны. Это послѣдствія обрюзгшей фигуры, морщинъ и огрубѣвшей кожи.

У насъ бываютъ иногда двѣ молодыя дѣвушки, родственницы жены. Одна изъ нихъ похожа на нее, какой она была въ юности. Я люблю разговаривать съ нею, и мы разговариваемъ подолгу. Я люблю ея голосъ, ея манеру говорить, смеяться, лукаво смотрѣть гмѣющимися глазами. Жена это замѣтила и всячески старается удалить Вѣрочку отъ меня. Меня это

ВОЙНА.



Группа офицеровъ 122 пѣх. Тамбовскаго полка во главѣ съ командиромъ полка полковникомъ Молчановымъ.

Фот. А. М. Иванющаго.



Генераль Жоффръ,
генералиссимус французской армии.



Генераль Р. Путникъ,
главнокомандующий сербской
армии.



Генераль П. Бойовичъ,
начальникъ генерального штаба, бывшій
фактическимъ начальникомъ всѣхъ во-
оруженныхъ сиѣ Сербии во время
плененія ген. Путника.

смѣшишь, а иногда и раздражаетъ. Вѣрочка тоже замѣтила это и стала на мою сторону.

И вотъ, я не знаю, зачѣмъ мы вдвое раздражаемъ старѣющую женщину. Вѣрочка это простительно, но не мнѣ... А всетаки, когда я замѣтилъ, что жена ревнуетъ, я сталъ афишировать нашу съ Вѣрочкой дружбу. И вышло то, что жена стала такъ нелюбезно принимать Вѣрочку и ея сестру, что это стало бросаться въ глаза, и онѣ почти перестали у насъ бывать.

И теперь жена стала дразнить меня, то есть, она думаетъ, что дразнитъ меня, говоря:

Что то Вѣрочка и Аня неѣдутъ. Забыли насы совсѣмъ. Я молчу или говорю:

— Прѣдѣдуть, коли захотятъ...
Зачѣмъ все это? Неужели

нельзя остатокъ днѣй провести мирно? И неужели сознаніе, что то, что впереди — **ОСТАТОКЪ** днѣй, можетъ быть причиной нашей холодности, переходящей порою въ какую то глухую вражду?

Вѣдь, сба мы ищемъ утѣшенія. И это утѣшеніе только мы могли бы дать другъ другу, и никто больше, и вѣдь мы враждебны.

И все таки не можемъ идти навстрѣчу другъ другу. Каждый боится сдѣлать первый шагъ, боится открыться. Открыться — значитъ признаться въ своей затаенной страшной мысли:

Подходитъ осень...
Жена полюбила читать и читаетъ только романы, преимущественно французскіе. И въ нихъ она черпаетъ то удовольствіе, которое я черпалъ въ бесѣдахъ съ Вѣрочкой. Она словно провѣряетъ себя, словно испытываетъ себя: «А могу ли я еще чувствовать? Могу ли я быть молодой?»

Такъ полководецъ послѣ сраженія дѣлаетъ смотръ оставшимся войскамъ, соразмѣря силы съ силами непріятеля. Такъ и я себя прозѣрялъ въ бесѣдахъ съ Вѣрочкой, и радовался, что душа старѣеть позже тѣла.

Но радостно ли это? Не въ этомъ ли прокляtie наше? Душа молода, душа полна силъ и надеждъ, а кругъ жизни завершенъ. Всѣ честолюбивые планы или выполнены, или осмыслены; сынъ прекрасно перешелъ въ четвертый классъ, а дочь на будущую весну кончаетъ гимназію.

Значитъ — совершенъ трудъ жизни; значитъ все сдѣлано...

А душа не хочетъ этого знать. Она еще такъ же юча, какъ была въ ту пору, когда я, гимназистомъ, цѣлыми часами ждалъ изъ гимназіи на углу улицы милю, первой любовью любимую дѣвушку.

Это она теперь во французскихъ романахъ ищетъ поддержки. Это она и я теперь враги...

Какъ это вышло? Откуда это взялось?

Неужели причиной всему этому — молодость души, вѣчная юность?

О, вѣчная юность — вѣчное проклятие! Это она отправляетъ мнѣ часы покоя, когда я, лежа въ гамакѣ съ книгой, которую не читаю, часами смотрю на небо, и въ немъ ищу разгадку своей тоски. А, вѣдь, не въ небѣ разгадка, и не въ приближеніи осени, и не въ томъ, что дни становятся короче. Нѣть, вѣтъ!

Во мнѣ разгадка, въ моихъ сорока двухъ годахъ, въ моихъ вискахъ съ проѣздью, въ моей жаждѣ жить...

И еще въ увѣренности, что жизнь на чата и прожита не такъ, какъ надо было. Откуда эта увѣренность берется? Почему не такъ? Что плохого было въ моей жизни? Ни одного сильного удара, ни



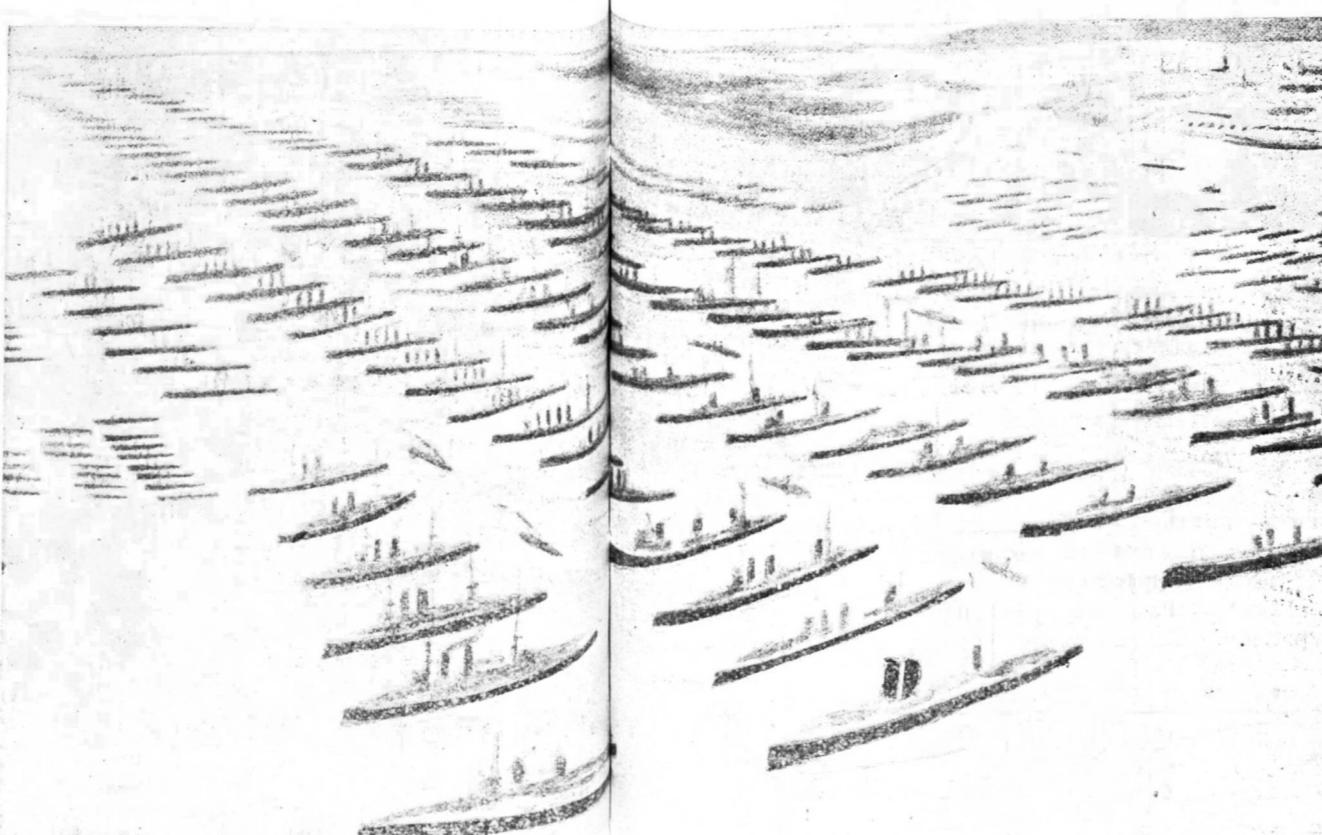
Гр. Гербертъ Китченеръ
фельдмаршалъ англійской
армии.



Знаменитый французский авиаторъ
Роландъ Гарро,
протаранивший въ воздухѣ своимъ аппаратомъ нѣмецкій «Цеппелинъ» и погибший вместе съ
его пассажирами.



Прибытие русского посла въ
Извольского на совѣщаніе дипломатовъ
иностранныхъ дѣль.
Снимокъ для «Южнаго Края».



Схематический видъ послѣдняго грандиознаго
дредноута, 35 броненосцою смотря въ Англіи. Въ составъ флота входятъ: 24
бронированныхъ крейсеровъ и др.

одного разочарованія, ни одной крупной неудачи. Порою, какъ сказочный Поликратор, боялся даже за свое счастье. И вотъ теперь — не такъ...

И жена тоже. Она понимаетъ, что всѣ жалобы на судьбу и съ ея стороны были бы напраслиной. Вчера она перечитывала «Жизнь» Мопассана и плакала надъ судьбой героини.

Сколько ужаса въ жизни, — сказала она, — вѣдь все это такъ правдиво. Какъ я счастлива въ сравненіи съ нею...

И все таки...

А я думаю, что и въ ударахъ судьбы можно найти счастье. И даже больше счастья, чѣмъ въ ея ласкахъ. Жизнь полнѣе въ ударахъ... Въ страданіи много счастья.

Я помню, какъ въ дѣствѣ меня жестоко и несправедливо наказали. И я помню это всегда, и буду помнить, и всегда въ этомъ воспоминаніи было для меня что-то отрадное, свѣтлое, радостное. Былъ полный моментъ, и онъ не забылся. Онъ оставилъ свой следъ навсегда. Былъ горький моментъ, а стала радостью продолжительной. Какъ изъ маленькаго зерна вырастаетъ могучее дерево, такъ изъ момента страданія вырастаетъ длительная незабываемая радость.

Вотъ гдѣ разгадка, вотъ гдѣ причина той тоски, которая меня посещаетъ въ часы раздумья. Мало страданія, мало впечатлѣній, много покоя и тишины.

Вотъ почему душа молода, вотъ почему она боится покоя осени.

И вотъ гдѣ разгадка той вражды, которая растетъ между мною и женою. Это месть за тишину, за застой, за то, что вся жизнь прошла ровно, безъ будней и праздниковъ, чѣмъ то среднимъ между праздникомъ и буднемъ. Душа не состарилась, не устала, не изнурилась, а тѣло склоняется къ покою старости.

Валя играетъ гаммы; сынъ у окна сидитъ за книжкой; жена въ другой комната лежитъ на кушеткѣ и плачетъ надъ Мопассаномъ... А я качаюсь въ гамакѣ, на землѣ валяется книжка, и я сжимаю кулаки, проклинаю и ненавижу...

Кого, за что?

Всѣхъ, и себя больше всего. Проклинаю жену за то, что она никогда не вызвала во мнѣ прилива безумной любви или звѣриной ненависти, дочь за то, что она прекрасно учится, хорошо играетъ и можетъ служить образцомъ любящей дочери изъ порядочной семьи, и сына за то, что онъ такъ похожъ на свою мать, что онъ весь — покой, мягкость, благонравие, порядочность.

И себя — за то, что я давно еще, когда былъ молодъ и силенъ, не бросилъ всего, не отправился куда нибудь въ Америку пасть стада въ преріяхъ, или въ Сибирь искать золото, или куда нибудь къ африканскимъ дикарямъ — жить ихъ жизнью, полной опасностей и борьбы, вѣчно между жизнью и смертью, вѣчно въ движеніи, подъ страхомъ невѣдомаго грядущаго.



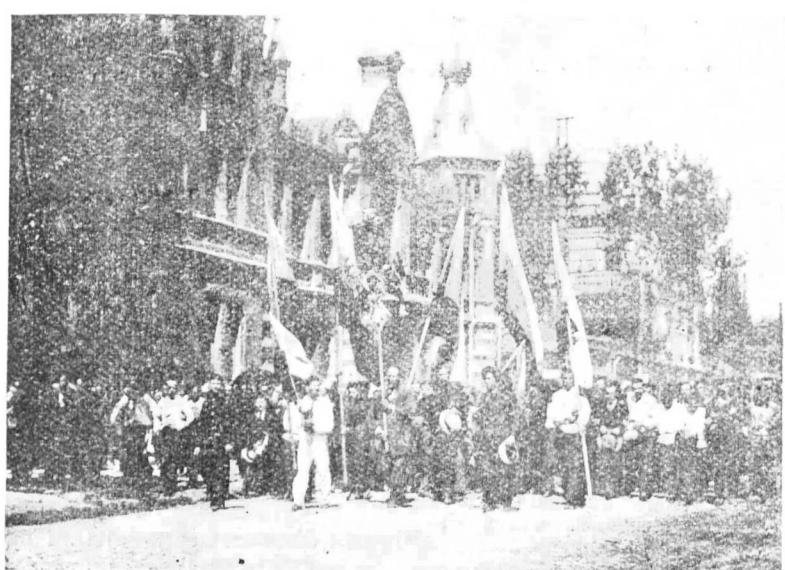
Австро-ѣскій министръ иностраннѣй дѣль
гр. Берхтолдъ,
руководитель и вдохновитель агрессивной
австро-ѣскій политики, одинъ изъ вдохновите-
лителей нынѣшнаго европейскаго пожара.



Эрцгерцогъ Фридрихъ-Карлъ-Фердинандъ,
генераль-инспекторъ австро-венгерской армии.

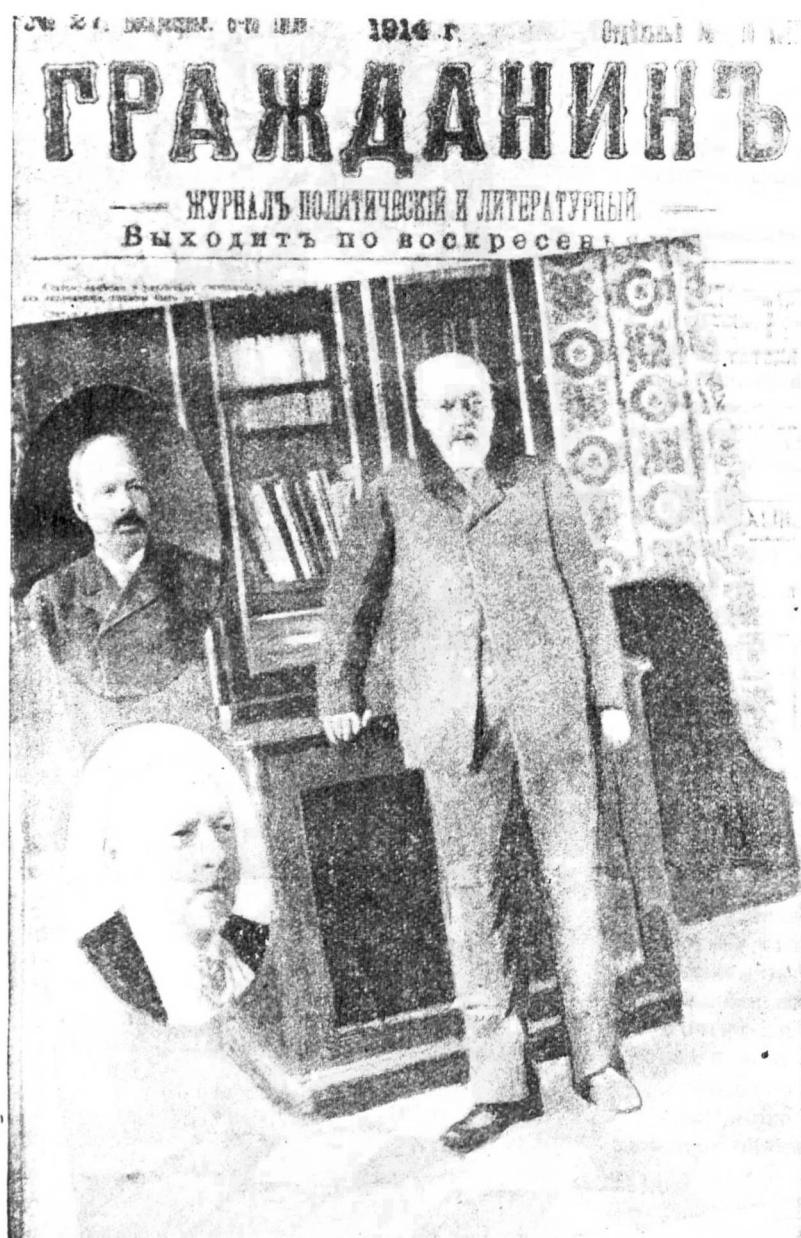


Членъ Госуд. Думы
(группы центра)
Б. А. Энгельгардтъ,
сложившій съ себя депутатскій полномочій и вступившій въ ряды дѣйствую-
щей арміи.



Манифестаціі въ Харьковѣ.

Снимокъ для „Южнаго Края“ фот. „Посадъ“.



† Издатель «Гражданина» кн. В. П. Мещерский.

Да, да! Себя я ненавижу больше всѣхъ... и презираю...
А съ деревьевъ падаютъ листья, еще не желтые, но уже
мертвые... И небо передъ закатомъ на западъ покрывается
сизымъ туманомъ. Вдали слышны голоса гусей и утокъ и воз-
вращающихся стадъ...

Какъ рано стали наступать вечера... Какъ коротки стали
дни....

Вл. Шарковъ.



СМЪСЬ.

Манифестація.

Въ одномъ изъ петербургскихъ эдемовъ разыгралась слѣ-
дующая характерная сценка. Въ дивертисментѣ на садовой
эстрадѣ появилась вѣнская этауль, которая по программѣ
стала исполнять игривую пѣсенку. Не успѣла спѣть первую
фразу, какъ среди посѣтителей раздались крики.



Феонія Гусева,

покушавшаяся на жизнь Григорія Рас-
путина. Снимокъ сдѣланъ, когда Гусевой
было 16 лѣтъ.

— Вонъ съ эстрады! Долой Австрію! Да здравствуетъ
Сербія!!

Распорядитель поспѣшилъ успокоить посѣтителей и по
секрету сообщилъ, что она не настоящая вѣнка, а только
поддѣльная; причемъ представилъ даже и паспортъ, по
которому „вѣнка“ оказалась уроженкой города Одессы
г-жей Циперовичъ. Съ „вѣнкой“ отъ волненія произошла
истерика.